

Дневные поиски подошли к концу, и к семи часам вечера все вернулись в ветхое общежитие на склоне холма. Трагедия, разыгравшаяся с Го Цзыюем, послужила жестоким уроком: теперь никто не смел отмахиваться от предостережений Ху Бая.

Собравшись у входа немного раньше назначенного срока, люди обнаружили, что тяжелая дверь заперта наглухо. Лишь в без десяти семь засов с той стороны сухо щелкнул, и Ху Бай впустил их внутрь.

Ровно в семь вечера подали ужин. Ху Бай выставлял на стол тарелку за тарелкой — простую домашнюю стряпню. Нарезано все было на редкость небрежно: куски мяса и овощей попадались то огромные, то совсем крошечные, словно повар готовил исключительно спустя рукава.

Впрочем, возразить никто не посмел.

На лицах собравшихся застыла мертвенная бледность; к тарелкам, где виднелось мясо, почти никто не прикоснулся.

Линь Чжэ первым отложил приборы и, едва скрывая раздражение, бросил:

— Больше ничего не намечается?

— Скорее всего, нет, — отозвалась Юань Гуаньцзюнь.

— Тогда я к себе, — буркнул Линь Чжэ, поднялся из-за стола и зашагал прочь.

Вслед за ним поднял руку Хуа Тяньсяо:

— Если дел больше нет, я бы тоже пошел прилечь.

Удерживать его не стали, и он поспешно скрылся из виду.

Выждав пару минут, пока шаги ушедших окончательно не затихли, Юань Гуаньцзюнь аккуратно отложила палочки, промокнула губы сложенной салфеткой и заговорила:

— Ну что, Сяо Юй, делись добытыми в участке сведениями.

Юй Цюся отнекиваться не стал. Он сухо и без лишних деталей изложил то, что им удалось разузнать в полицейском участке, однако умолчал об их собственных выводах.

В ответ Юань Гуаньцзюнь и остальные женщины поделились своими находками.

После завтрака они разбились по парам и прочесали раскинувшийся внизу городок в поисках улик. Обязанности они распределили на удивление разумно: пока одни расспрашивали прохожих, другие примечали детали, а третьи заносили наблюдения в блокнот.

Яо Ван, будучи татуировщицей с художественным образованием, даже набросала карту. На ней был схематично изображен план улиц и отмечены наиболее приметные заведения.

Все сгруппировались вокруг рисунка.

— Заметили что-нибудь странное? — спросил Юй Цюся.

— Чертовщины тут хватает, — отозвался Чжань Чэнсяо. — Больше всего меня поразило то, как обыденно местные ко всему этому относятся. И недавнее убийство их, кажется, совершенно не пугает.

— Твои сведения только подтверждают картину, — кивнула Юань Гуаньцзюнь. — Это классическое гиблое место, никому не подконтрольная глушь, где кишмя кишат беглые преступники.

— Жертва — обычный бродяга, — подал голос Чу Шэньнань. Несмотря на довольно легкомысленный вид, он поразительно легко втирался в доверие к местным матронам и успел набрать кучу сплетен. Разведя руками, он продолжил: — Ютился в заброженной деревне на окраине. Сгинул — и ладно, никому до него дела нет. Но вот что интересно: несколько человек помянули некоего Старого безумца.

Цзин Шипин заинтересованно вскинул брови:

— О, безумец? Как любопытно.

Фан Сынун не понял причин такого оживления и инстинктивно скосил глаза на Юй Цюсю. Пу Тяньбай, тоже пребывавший в недоумении, проследил за его взглядом и в упор уставился на старшего.

Почувствовав на себе двойной прицел глаз, Юй Цюся вполголоса пояснил:

— В Театральном мире сумасшедшие — редкость. Обычно за маской безумца скрывается либо ключевое действующее лицо, либо Пророк.

Тем временем обсуждение за столом продолжалось. Яо Ван ткнула пальцем в несколько отметок на карте — лавку колониальных товаров, магазин сельхозинвентаря, скобяную лавку и мясную бойню:

— Думаю, у хозяев этих заведений есть своя история. — Затем её палец переместился к двум другим точкам — газетному архиву и цветочному магазину. — А вот само присутствие этих двух мест в таком захолустье кажется мне крайне подозрительным.

Любая пьеса состоит из протагонистов, второстепенных персонажей и безликой массовки, и плотность информации на каждого из них разнится. Если удастся вычленить ключевые фигуры среди сотен безразличных местных жителей — это колоссально упростит задачу. За каждым важным лицом наверняка тянется шлейф скрытых сюжетных линий, напрямую связанных со сценарием этого места.

— Яо Ван, я тебе уже говорила, — холодно оборвала её Юань Гуаньцзюнь. — Полагаться исключительно на интуицию в нашем деле смертельно опасно. Стоит твоим предчувствиям дать осечку, и ты заведешь нас в глухой тупик.

Та лишь пожала плечами и спорить не стала.

За исключением по-прежнему отрешенной Цинь Фэй, высказались почти все. Последними в очереди остались Фан Сыунун и Пу Тяньбай. И если первый отмалчивался, то второй после некоторых колебаний все же решился подать голос.

— Я сегодня полдня ходил следом за Линь Чжэ, — заговорил Пу Тяньбай, косясь по сторонам и тщательно подбирая слова. — У него... скверный характер. Страдает изрядным эгоцентризмом, вот и всё. Больше ничего подозрительного я не заметил.

— На сегодня закончим, — прервал его Юй Цюся. — И помните: с наступлением темноты двери не открывать. Будьте предельно осторожны.

Ветхое общежитие венчало самую высокую точку города. Из окон столовой, приютившейся в угловом крыле, открывался панорамный вид на кольцо далеких гор и багровое солнце, медленно тонущее за их зубчатыми пиками.

Прежде чем сумерки окончательно поглотят улицы, всем следовало запереться в своих комнатах.

Спорить никто не стал. Собравшиеся потянулись к выходу. Проходя мимо лестничного пролета, Фан Сыунун скользнул взглядом по циферблату старых напольных часов. Без семи минут восемь.

У него зародилось нехорошее предчувствие.

"Неужели здесь действует неписаное правило — вернуться в номера строго до восьми вечера?"

На пятом этаже ветераны свернули в свой коридор, оставив новичков подниматься выше.

Впрочем, называть их во множественном числе уже едва ли приходилось. После гибели Го Цзыюя и досрочного бегства Линь Чжэ и Хуа Тяньсяо, на самый верх поднимались лишь двое — Пу Тяньбай и забитая от страха Цинь Фэй.

Но тут нервы у Цинь Фэй окончательно сдали. Вцепившись в рукав Цзин Шипина, она разразилась безутешными рыданиями:

— Мне страшно! Смертно страшно! Я не смогу там одна... совсем одна! Пожалуйста, господин Цзин, умоляю, помогите мне! Я боюсь засыпать одна!

Днем Цзин Шипин опекал ее вместе с погибшим Го Цзыюем, а после трагедии не отходил ни на шаг. Неудивительно, что испуганная девушка видела в нем единственную соломинку.

Старик в нерешительности замялся, а затем взглянул на своего соседа по комнате Чжань Чэнсяо:

— Пожалуй, присмотрю сегодня за девчушкой, не против?

Тому было безразлично. Равнодушно кивнув, Чжань Чэнсяо скрылся за дверью своей комнаты.

Цзин Шипин вздохнул и увлек всхлипывающую Цинь Фэй за собой наверх.

Эта сцена мало кого тронула — остальные молча разошлись по своим углам.

Четвертый номер, где разместились Фан Сынун с Юй Цюсей, соседствовал с третьим, принадлежащим Юань Гуаньцзюнь и Лу Шэну. Когда они уже брались за дверную ручку, женщина негромко окликнула:

— Сяо Юй.

Фан Сынун, до сих пор злившийся на нее за то, что она бросила Пу Тяньбая на амбразуру следить за неуравновешенным Линь Чжэ, смерил ее ледяным, колючим взглядом.

Юань Гуаньцзюнь проигнорировала его враждебность и ровным тоном спросила:

— Тот смазливый актер... Откуда он взялся?

— Пу Тяньбай? — нахмурился Юй Цюся.

— Нет, я про того, чья фамилия Хуа.

Юй Цюся смерил её долгим взглядом:

— Случайный гость. До этого мы не встречались.

— Любопытный экземпляр, — обронила она, уже переступая порог своего номера. — Сегодня днем мы оказались наедине, и я... не смогла к нему «пробиться».

Дверь с тихим щелчком закрылась перед их носом.

Проводив взглядом багровую полосу заката, угасающую на самом краю горизонта, Юй Цюся увлек Фан Сынуна внутрь комнаты и запер замок на несколько оборотов.

Едва засов встал на место, Фан Сынун нетерпеливо спросил:

— Что значит «не смогла пробиться»?

— Похоже, ее ментальная передача на него не подействовала, — задумчиво потер подбородок Юй Цюся.

— Разве такое возможно?

— Сложно сказать, — покачал головой Юй Цюся. — Но ментальное воздействие не всесильно. Если у человека аномально крепкая психика или непрошибаемая сила воли, он вполне способен выстроить барьер.

— Либо он просто напрочь лишен мозгов, — проворчал Фан Сынун.

Несмотря на язвительный тон, в его словах сквозило отчетливое желание выгородить паренька.

Юй Цюся насмешливо вскинул бровь:

— Надо же, какой ты, оказывается, заботливый. Раньше я за тобой такой слабости не замечал.

Фан Сынун внезапно осекся и замолчал.

На самом деле он всегда был таким — ревностно оберегал тех, кто оказывался рядом. Видимо, детство и юность выдались настолько скупыми на душевное тепло, что любой, даже мимолетный союзник становился для него безусловной ценностью. Пу Тяньбай искренне считал, будто старший после выпуска и имя его позабыл. Глупости. Фан Сынун отлично помнил своего робкого младшего сокурсника: частенько задерживал взгляд на его фамилии в

новостях шоу-бизнеса, оттого и узнал его мгновенно на том злополучном банкете.

Да и взбалмошный, вечно путающийся под ногами Хуа Тяньсяо удостоился этой чести лишь потому, что они разделили общую беду. Фан Сынун неосознанно зачислил его в категорию «своих» и теперь инстинктивно пытался прикрыть.

Слова Юй Цюси не были ложью — он действительно мог этого не знать. В прежней жизни Фан Сынун пылинки с него сдувал, ловил каждое желание, предупреждал любую прихоть. Избалованный столь абсолютной, удушающей заботой, Юй Цюся просто не имел повода замечать, как его покровитель проявляет милосердие к кому-то еще.

Но от этой ленивой фразы в груди у Фан Сынуна почему-то горько заныло.

Ему безумно хотелось ответить:

"А все потому, что ты никогда по-настоящему мной не интересовался".

Но упрек так и застрял в горле. Рядом с Юй Цюсей Фан Сынун вечно чувствовал себя виноватым и робким, панически боясь спровоцировать очередную ссору.

— Она намекает, что Хуа Тяньсяо опасен? — поспешно сменил он тему.

— Будем начеку, — уклончиво ответил Юй Цюся. — Впрочем, кто скажет наверняка, нет ли двойного дна у самой Юань Гуаньцзюнь? Если она тебе не по душе — просто держись подальше.

— Она мне неприятна, — после недолгого молчания признался Фан Сынун.

— Понимаю, — мягко отозвался Юй Цюся. — Тогда просто не приближайся к ней.

Ночью здесь делать было решительно нечего. Наспех умывшись, они забрались под одеяла. Фан Сынун, вконец измотанный дневными потрясениями, уснул на удивление быстро.

Но сон его был тревожным и рваным. Сквозь липкую полудрему проступали багровые пятна и разбросанные по траве куски плоти. Измученный разум нарисовал чудовищную картину: безликая фигура в тяжелом черном балахоне с размаху опускает молот на труп. Раздается глухой, утробный стук. Удары сыплются один за другим, и с каждым из них бледное тело у ног палача вздрагивает и дергается, словно все еще силится ожить.

Фан Сынун резко распахнул глаза.

В последнее мгновение перед пробуждением инстинкты отчаянно молили: «Не просыпайся! Заставь себя спать, иначе придется лицом к лицу встретить кошмар ночной яви!» Но чем сильнее он цеплялся за остатки сна, тем отчетливее прояснялось сознание. Мрак безжалостно вытолкнул его в реальность.

Глухой, ритмичный стук.

Тук... тук... тук.

Приходя в себя, Фан Сынун с ужасом осознал, что монотонный звук из кошмара беспрепятственно проник в реальный мир. Окончательно очнувшись, он понял: этот стук раздавался наяву. Точно так же, как и прошлой ночью.

Он попытался выровнять сбившееся дыхание. В памяти всплыло предупреждение Юй Цюси: «Не шевелись и спи». Опасаясь нарушить неведомые смертоносные правила этого места, Фан Сынун застыл под одеялом, боясь пошевелить даже пальцем.

Однако вынужденное оцепенение лишь обострило слух. Звуки заполняли сознание, приковывая к себе все внимание. И теперь он с леденящей душу ясностью понял: источник этого монотонного стука находится прямо под его кроватью.

Страх лавиной накрыл его, тело прошиб холодный липкий пот. Зубы готовы были застучать от паники. Мертвой хваткой вцепившись в простыню, Фан Сынун отчаянно пытался переключить мысли на что угодно другое. Единственной ниточкой, удерживавшей его на краю безумия, оставалось воспоминание о теплой ладони Юй Цюси, которая прошлой ночью закрыла ему глаза, и о едва уловимом, родном аромате на его запястье.

— Не спится? — вдруг раздался в темноте тихий, вкрадчивый голос.

Фан Сынуну потребовалось несколько секунд, чтобы осознать: это не игра воспаленного воображения, а реальный голос соседа. С трудом сглотнув, он попытался ответить как можно непринужденнее, но спазм страха перехватил горло, и ответ прозвучал на удивление жалко, почти со свистом:

— Да... есть немного.

С соседней кровати донесся шорох простыней — Юй Цюся повернулся к нему.

— Что такое?

Сделав над собой усилие, Фан Сынун заговорил чуть увереннее:

— Ты разве не слышишь?

— Слышу, конечно.

Спокойствие в голосе Юй Цюси подействовало как целебный бальзам — паника медленно начала отступать. Тем не менее, Фан Сынун озвучил свои подозрения:

— Мне кажется, оно приближается. — Он сглотнул. — Стучит гораздо ближе, чем вчера.

— Понимаю, — после короткой паузы отозвался Юй Цюся. — Завтра спустимся этажом ниже и все осмотрим.

Фан Сынун согласно кивнул, но тут же вспомнил, что в непроглядной тьме собеседник этого не увидит.

Только он собрался подтвердить слова вслух, как Юй Цюся добавил:

— Спи. Не бойся, прямо сейчас нам ничего не грозит.

— Правда? — вырвалось у него.

— Да, — тихо, но твердо ответил Юй Цюся. — Обещаю тебе.

Фан Сынун повернулся на бок. Глаза постепенно привыкли к темноте, и теперь он мог различить смутный силуэт напротив и две крошечные искры, мерцающие в глазах Юй Цюси.

И произошло чудо: монотонный, пугающий стук словно отодвинулся на задний план, растворяясь в тишине комнаты. Самого момента сна Фан Сынун уже не помнил — сознание мягко окутала спасительная темнота.

<http://bllate.org/book/20607/2130814>